

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ ПРОДУКТА ТВОРЧЕСТВА В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ МЕТАПОЭТИКАХ XX В.

ДИМИТРЕНКО М. В.

Волгоградский государственный педагогический университет

В когнитивной картине мира поэта, как правило, существует тот или иной сценарий текстопорождения. Восприятие собственного творческого акта и анализ закономерностей, под давлением которых он происходит, безусловно, относятся к явлениям авторской рефлексии. При этом “выход субъекта в метаплан деятельности” [4, с. 36] обусловлен стремлением определить место поэтического произведения в онтологическом и семиотическом пространствах языка.

Поскольку главным принципом современной научной парадигмы провозглашен антропоцентризм, изучение творческого акта как сложнейшего феномена человеческой деятельности представляется не только актуальным, но и необходимым. Одним из объектов исследования в данном случае является метапоэтический текст, в котором поэт интерпретирует свое творчество или работы других авторов посредством рефлексии, художественного анализа. Так, целая парадигма подобных текстов представлена и описана в трехтомной антологии “Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса”, созданной под руководством К.Э. Штайн. Но авторская рефлексия может проявляться не только на текстовом, но и на фразовом уровне – в тех случаях, когда поэт считает необходимым дополнить тему стихотворения метапоэтическими комментариями.

Изучение метапоэтических единиц предполагает опосредованность, другими словами, оно проходит через восприятие и рефлексии субъекта творческой деятельности, что усложняет задачу исследователя. Соотнесение же интра-анализа (анализа “изнутри”) творческого акта с научными (психологическими, лингвистическими, физиологическими и др.) данными о нем позволяет сформировать полноценное представление о мышлении художника слова. Одной из точек пересечения поэтической рефлексии и научного анализа является семантический синтаксис как организация смысла текста.

Система семантических ролей в метапоэтическом тексте, высвечивая пропозицию, проявляет в конечном счете и когнитивную структуру творческой ситуации. Прообразами семантических актантов глагола являются и участники события, и отношения между ними, по которым можно судить об определенном фрагменте авторской или национальной картины мира.

Классификация семантических ролей, за которыми все исследователи (Ч. Филлмор, Ю. Д. Апресян, В. В. Богданов, И. П. Сусов и др.) признают глубинный характер, свойственны колебания в количественном составе. Это связано с трудностями в категоризации семантических нюансов и соотнесении ситуации с пропозицией.

Наиболее удобна с точки зрения сопоставительной семантики классификация семантических ролей (или функций), предложенная В. В. Богдановым, т.к. она составлена на материале четырех языков.

Целью анализа семантических ролей в метапоэтических текстах и фразах является не только выявление различий в русских и чешских рефлексивных высказываниях, но и уточнение когнитивных моделей, по которым, с точки зрения поэтов из разных лингвокультур, выстраивается их творческий процесс. Таким образом, изучение семантических ролей в данном случае позволяет перейти от проблем семантического синтаксиса в область когнитивной семантики, постулирующей, что “значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является и ракурс, выбираемый “концептуализатором” при рассмотрении ситуации” [3, с. 73]. Этот переход мы осуществим с помощью следующих шагов:

- определение семантических ролей продукта творчества в русских и чешских метапоэтических текстах (фразах);
- систематизация и подсчет полученных результатов;
- построение когнитивных моделей творчества в соответствии с доминирующими семантическими ролями;
- выявление когнитивных различий в понимании творческого акта русскими и чешскими поэтами.

Используя метод сплошной выборки, мы сформировали два блока метапоэтических фраз из русских и чешских текстов (50 и 35 единиц соответственно). Среди авторов исследуемых стихотворений такие поэты, как И. Бродский, А. Кушнер, А. Тарковский, Я. Смеляков, Г. Сапгир; I. Blatný, I. Diviš, Z. Hejda, F. Hrubín, J. Kainar, J. Kolář, O. Mikulášek.

Метапоэтика окружает текст и окружена текстом, что дает основания считать центром творческой рефлексии поэта созданное (планируемое) им (другим автором) произведение. В русской поэзии продукт поэтической деятельности чаще всего обозначают стилистически нейтральной лексемой *стихотворение*. Внутренняя форма этого слова связывает результат (‘строка’) и сущность (‘созидание’) творческого акта. Для чешской метапоэтики, в которой используются ключевые слова *verš* и *báseň*, характерно разведение этих аспектов поэтической деятельности. Так, устаревшее значение чешского слова *báseň*, восходящего к праслав. **bajati*, – ‘вымысел, выдумка’ [8, с. 162], а лексема *verš* этимологически связана с лат. *versus* ‘строчка стиха’ [6, с. 319].

В ситуации “сочинение стихов”, очевидно, два участника – агент и результат его деятельности. В метапоэтических фразах им должны соответствовать две семантические роли – Агентив и Результатив. Но, как показывает детальный анализ русских и чешских текстов, продукт творчества может выполнять около десятка функций (см. табл. 1).

Подсчеты показывают, что в русской и чешской метапоэтике наиболее частотными являются семантические роли результатива (ср.: *Зачем я не могу, / уж целый год не знаю, не умею / слагать стихи...* Б. Ахмадулиной [5, с. 525]; *píšeš básně / pracuješ zlatem jako pracuje slunce...* К. Biebla [11]) и элементива (см., например, у Е. Евтушенко: *Поэты стихов не бросают – / стихи бросают поэтов...* [5, с. 571]; у М. Ехнера: *Báseň nepřichází, / je v nás* [9]). Если первая роль определена самой творческой ситуацией (стихотворение – это результат поэтической деятельности), то вторая обусловлена древней анимистической

установкой поэзии. В связи с этим в понимании семантической роли элемента мы обращаемся не к узкому его значению (природная стихия как производитель действия) [1, с. 54], а к широкому (активный неодушевленный производитель действия, обладающий собственной энергией) [7, с. 10].

Таблица 1

**Семантические роли продукта поэтического творчества
в русской и чешской поэзии XX в.
(лексемы *стихотворение, стих; báseň, verš*)**

Семантические роли	Частотность, %	
	в русских текстах	в чешских текстах
Бенефициатив	6	0
Дескриптив	6	6
Инструментатив	2	15
Композитив	2	9
Локатив	8	12
Объектив	10	18
Перцептив	9	6
Результатив	26	18
Экспериенсив	0	3
Элементив	30	23

Следует заметить, что результатив как семантическая роль продукта творчества может быть итогом не поэтической, а другой деятельности, связанной с производством чего-либо. Так, у Б. Пастернака встречаем метафору *Я б разбивал стихи, как сад...* [5, с. 58], J. Skácel сопоставляет поэзию и вырубку леса: *Tak proč bych kazil verš. Je vykácený. / Snad ještě dobýt z hlíny pařezy. / Vykopat temné stromořadí jam* [11]. Однако чаще всего результатив проявляется в типичных конструкциях *сочинять (писать) стихи; psát verše (básně)* и т.д. Например, А. Вознесенский, передавая роль авторского Я коллективному субъекту “творчества”, замечает с сарказмом: *Но верю я, моя родня – / две тысячи семьсот семнадцать / поэтов нашей федерации – / стихи напишут за меня* [5, с. 549]. Чешский поэт J. Seifert иронизирует, вспоминая свои первые творческие опыты с тщательно подобранными атрибутами (розой, зажженной свечей): *Pak jsem si dal do sklenky růžičku, / rozžal svíčku / a počal psát své první verše* [10].

Ключевое для метапоэтики словосочетание *сочинять (писать) стихи (стихотворение)*, как правило, находится за границами прагматического пространства произведения, однако при замене глагола (и зачастую – семантической роли продукта творчества) оно формирует эмоциональную доминанту текста. Ср.: *Написал бы я стихотворенье / И послал бы сразу же в печать. / Только вот какое затрудненье: / Я не знаю, как его начать* (М. Исаковский) [5, с. 197] и *Дай выстрадать стихотворенье! / Дай вышагать его! Потом, / Как потрясенное растение, / Я буду шелестеть листом* (Д. Самойлов) [5, с. 457]. В первой цитате семантическая роль элемента, которая относится к продукту творчества, свидетельствует о

прототипичности ситуации, во второй текст является скорее объектом психического действия, чем его результатом, а следовательно, выполняет роль перцептива. Фразовый эмотивный смысл образуется за счет нетипичного сочетания лексемы *выстрадать* со значением ‘достичь чего-н. долгим страданием’ и конкретного существительного *стихотворение* (тогда как этот глагол обычно употребляется с абстрактными существительными). Показательно, что в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова этот семантический вариант иллюстрируется метапоэтическим примером из поэзии А. С. Пушкина: *Выстраданный стих, пронзительно унылый, ударит по сердцам с неведомою силой* [2, с. 154].

Стремление в описании творчества обойти или трансформировать речевые клише свойственно и чешским поэтам. Так, J. Kainar пишет о сочинении стихотворения, создавая целый метафорический комплекс: *Ta nejlehčí a nejkrásnější dýka / vypadla z rukou podzimu. / Na hrotu / dvě kapky krve. / Takovou chtěl bych napsat jednou báseň. / Aby se, břítká, nesla tiše k zemi / a aby měla na hrotu / dvě kapky krve. / Mé nebo cizí, / na tom nesejde* [11]. В этом тексте слетающий на землю осенний лист уподобляется кинжалу с двумя каплями крови на лезвии (артефактная метафора). Образ стихотворения, которое хочет написать автор, помещен в созданную предыдущей строфой поэтическую систему, т.е. сравнивается и с опадающим листом (натурморфная метафора), и с окровавленным кинжалом (артефактная метафора). Интересно, что в начале текста основанием метафоры *na hrotu dvě kapky krve* является цвет, а во втором – содержание произведения. Поэт стремится оживить свое стихотворение кровью так же, как осень окропляет опадающий лист красным цветом. Семантические различия в метафорических повторах обнаруживаются при помощи контекста: значение ‘кровь’ (а не ‘цвет’) актуализируется во второй фразе за счет предпоследней строки *Mé nebo cizí*. Таким образом, семантическая роль результата в этом произведении оказывается на периферии читательского восприятия, фактически поглощается метафорической системой текста.

В русских метапоэтических текстах семантическая роль элемента иногда пересекается с функцией агента: *Жду, как заваленный в забое, / Что стих пробьется в жизнь мою* [5, с. 64]. В последнем примере из стихотворения Д. Самойлова автор и текст находятся в отношениях “спасаемый – спасатель”, глагол *пробиться* может коррелировать и с одушевленным, и с неодушевленным существительным. Однако во всем произведении поэт поддерживает неопределенность в персонифицированности стиха, обращаясь к грамматической категории среднего рода: *Не пробивается ль живое / Навстречу моему труду?..; О, только бы оно пришло! / О, только бы не опоздало!* [5, с. 64]. Балансирует на категории (не)одушевленности продукт творчества и в чешской поэзии. Например, J. Kolář говорит о рождающемся стихотворении: *... báseň sotva dýchá, / plná bázně ze zrození svého...* [11]. Противоречие между “объектностью” и “субъектностью” поэтического произведения разрешается при помощи глагола *dýchat* и существительного *báseň*, значения которых описывают реакции живого существа. Лексико-грамматическое наполнение данной метапоэтической фразы дает право

говорить об актуализации семантической роли экспериенса. Другими словами, продукт творчества как одушевленный партиципant находится “в некотором физиологическом или психическом состоянии, которое выражается предикатом” [1, с. 53].

Несмотря на количественное сходство в употреблении глубинных падежей в русской и чешской метапоэтиках, их функционирование обнаруживает тонкие семантические (а значит и когнитивные) различия. В частности, роль агенса, нетипичная для продукта творчества, в чешской поэзии выявляет “отделенность” текста от поэта, а в русской – его сопричастность авторскому Я. Например, J. Kuběna в стихотворении “*Báseň mluví*” приводит диалог, в котором проявляется оппозиция “человек – текст”. Первый из участников этого противостояния находится за кадром, его присутствие реализуется только в репликах, описывающих второго партиципанта: *Ty, sama hřích. Což udržela by ses, Echo, / ó básni prokletá, / na smrku nad Macochou, macecho či nemacecho?* [11]. Полярность проявляется и в диалоговой манере каждого из собеседников: обилию вопросов и вокативов, полипредикативных структур, выражающих экспрессивность авторской речи, противопоставлена лаконичность ответных реплик стихотворения (*Jsem tu už po léta*), которые сокращаются до свойственного разговорному стилю неполного предложения: *Jako kámen ze zdiva*. В русской метапоэтике продукт творчества, играющий роль агенса, часто обнаруживает тесную связь с субъектом творчества. Репрезентантом этих отношений выступает притяжательное местоимение 1-го лица (читаем у И. Бродского: *Прислушиваясь к грозным голосам, / стихи мои, отстав при переправе / за Иордан, блуждают по лесам, / оторваны от памяти и яви* [5, с. 787]; у Е. Евтушенко: *А наши стихи не заплачут / над нашей, им чуждой, могилой* [5, с. 571]).

Вероятно, специфическими отношениями между автором и текстом можно объяснить разницу в количественном проявлении семантической роли объектива в русской и чешской метапоэтиках. Стихотворение (особенно представленное в письменной форме) – это объект реальности. Отсюда строки А. Кушнера: *На ночь оставлю стихи на столе, – / Пусть полежат, наберутся ума. / Может быть, гнутая строчка во мгле / Распрямится сама?* [5, с. 753]; V. Nárožníka: *Jak ale zbavit báseň řvavých barev divadla?* [11]. Поскольку в когнитивной модели русской поэзии текст репрезентирует часть авторского Я, а следовательно, перенимает его субъектность, он реже играет роль объектива, чем в чешской метапоэтике.

Интересно, что с помощью семантической роли локатива русские и чешские поэты раскрывают двойственность творческого пространства: “вне текста – в пределах текста”. Стихотворение переходят (*přejdi v mé básni / zleva doprava...* – Т. Přidal [11]), из него выбирают (*slézáme verše ty a já...* – Р. Rejchrt [11]; *Я долго добивался, / Чтоб из стихов своих / Я сам не порывался / Уйти, как лишний стих...* – А. Тарковский [5, с. 731]), в него можно переместить часть внешнего мира (*В стихи б я внес дыханье роз, / Дыханье мяты, / Луга, осоку, сенокос, / Грозы раскаты...* – Б. Пастернак [5, с. 58]).

Таким образом, дифференцирующим признаком для когнитивных моделей

творчества в русской и чешской метапоэтиках является характер отношений между субъектом и объектом поэтической деятельности. В русской поэзии текст – это продолжение автора, в чешской – отдельная часть действительности. Выявление этих различий свидетельствует о том, что семантические роли продукта творчества демонстрируют особенности когнитивного понимания поэтического процесса.

Более ясное представление о системах семантических ролей в русской и чешской метапоэтиках можно было бы получить, проследив их эволюцию. Не менее значимым является также изучение семантических валентностей глаголов со значением созидания, доминирующих в метапоэтической лексике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 207 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 2004. – 1268 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац. – М. : Филол. фак. МГУ имени М. В. Ломоносова, 1996.
4. Степанов С. Ю., Семенов И. Н. Психология рефлексии : проблемы и исследования / С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов // Вопросы психологии. – № 3. – 1985. – С. 31–40.
5. Три века русской метапоэтики : Легитимация дискурса. Антология : в 4 т. – Т. 4 : XX в. Реализм. Соцреализм. Постмодернизм / Под общ. ред. проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос.ун-та, 2006. – 985 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
7. Широглазова Н. С. Система глубинных падежей и средств их выражения : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / Н. С. Широглазова. – Ижевск, 2004. – 20 с.
8. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974.
9. Exner M. Ve slově hlína / M. Exner. – Режим доступа : <http://milanexner.cz/knihy/ve-slove-hlina>.
10. Seifert J. Býti básníkem / J. Seifert. – Режим доступа : : <http://www.ceskaliteratura.cz/texty/seifert.htm>.
11. Vrh křídel. Antologie české poezie (nejen) 20. Století. – Режим доступа : <http://www.petr-fabian.cz/antologie>.